Конек-горбунок

Жил-был старик со старушкой. У них было три сына: большой был Миколенька, а второй сынок Петинька, а третий — Иванушка-дурачок. Занимались они хлебопашеством; посеяли в поле пашенички десятинку, при большой дороге. Пашеничка очень хороша: растет, расстилается, колосок из нее выбивается. Повадилась в пшеницу неизвестная какая скотина, либо зверь какой, пашеничку мнет и колосья рвет.

Вот этот же старичок приехал пашеничку посмотреть — пашеничка помятая и колосья порватые. Приезжает домой, сказывает своим детям: «А вот, ребяты, пашеничка очень у нас хороша, только кто-то ее больно мнет и колосья рвет; надо ее караулить». Ну, сыновья ему говорили: «Надо, батюшка, покараулить». И стали они конйться, кому достанется прежде караулить, в поле нужно будет идти, там ночевать и всю темну ночь не спать.

Досталась первая ночь идти сыну Миколеньке. Он берет вилы и топор, отправляется в поле, в дозор. Он далеко не бежал: у суседа под забором пролежал. Белая заря занялась, и он домой собрался. Восходит на крыльцо, берет за кольцо: «Свет [уже]! Отпирайте караульному двери!» «Свет уже» услыхали, двери отпирали, караульного пущали. Спрашивают его: «Не видал ли в поле, Миколенька, кого?» (Да где же Мико- ленька увидит? Он в поле не бывал и пшеницу не видал, а у суседа под забором пролежал!) Вот хозяин старичок запрег лошадушку и поехал скоро в поле. Смотрит — утром по росе помята пшеница! Приезжает домой и говорит: «Ах, Миколенька, ты проспал! Очень пшеничка помята».

Приходит вторая ночь. Так же Петинька сынок берет вилы и топор, отправляется в поле, в дозор. Он далеко не бежал: у суседа на сушилах пролежал и т. д. Поутру отец проезжает в поле — более того поле помято! Приехал домой и говорит: «Петя, ты, знать, вовсе не был? Еще боле помято!»

Вот Ванюшка-дурачок лежит на печи, сопли на клубок мо- тат и говорит: «Разве вот я, батюшка, пойду, так укараулю». Отец и говорит: «Где тебе, глупому, укараулить! Умные — те проспали, ничего не видали, а тебе уж и вовсе не видать».

Как пришел поздний ьечер, Ванюшка слез с печи, подходит к столу, не умаливат никого, взял хлеба каравай, отрезал круг каравая ломоть и пошел во чистое поле. Сидит за кустом, управляется с ломтем (кружит его). И вдруг на пшенице осияло: прибегает кобылица-латыница. Вот он к ней ближе и ближе, ползком да ползком. Она пшеницу мнет и колосья рвет, а Ванюшка поближе ползет — цоп ее за гриву! Скочил на нее верхом, садится к | олове спиной, а к хвосту лицом; левой рукой поймал за хвост, и правою рукой бьет по крутым бедрам. Вот эта же кобылица по молю летала, шибко прыгала и бежала: хотелось Ванюшку с себя уронить и до смерти его убить. Нет, Ванюшка сидит ни в чем невредим. Сколько ни рыскала — остановилась, Иванушке покорилась. Иванушка слез, обратал и домой повел.

Шла, шла кобылица за Иванушкой-дурачком и стала ему говорить: «Пусти, Иванушка, меня: я тебе подарю два коня — какова я сама, а третьего коня дам маненького». Ванюшка и говорит: «Обманешь!» — «Нет, только меня пусти — сейчас они перед тобой явятся». Он подумал да и пустил. Вот кобылица полетела, хвостом завертела. Вдруг являются два коня — любо на них посмотреть и не можно ничем их оценить; третий с ними конек стоит маненький: сам шесть вершков вышиной, а уши три аршина долиной.

Ванюшка сидел за кустом и управлялся с ломтем; привязал этих коней к кусту, пошел к батюшке домой. Пришел к батюшке домой, спросил его отец: «А что, Ванюшка, не видал ли кого?» Ванюшка запрыгал: «Эх, батюшка, я пымал тройку коней!» Братья смотрят на него и спрашивают: «А где, Иван, они?» — «У куста привязаны». Пошел Ванюшка позавтракать. Поколе он завтракал, братья в поле побежали, коней пару украли; сели и поехали в Китай-город, на ярманку продавать. Оставили ему только маненького коня. Ванюшка говорит отцу: «Пойдем, батюшка, за конями».

Пошли Ваня с своим батюшкой, пришли — у куста нет коней, один только маненький конек стоит. Ванюшка так рассерчал, плакал и рыдал! «И кто этих коней украл?» Он их больно ругал. Маненький же конек-горбунок говорит Ванюшке: «Не ругай, Ваня! Твоих коней увели братья твои родные — тебе грех будет!» Маненький конек говорит: «Айда, садись на меня! В погонь мы погоним, на дороге их догоним!» Сел Ванюшка на конька, полетели по большой дороге — не поспеет Ваня версты считать, и догнали их на большой дороге, и Ванюшка закричал: «Стойте, поры! Не ваши кони! Зачем вы у меня их украли?» Братья те были разумны, говорят ему: «Мы, Ванюшка, коней не украли, а так их взяли, ведем их в Китай-город

продавать. Коней, братец, продадим, а денежки батюшке отдадим». Ванюшка ругаться перестал, и сели вместе, поехали.

Пристигла их на дороге темная ночь. Вот им нужно ночевать; говорят между собой: «Надо бы, братцы, нам огонька поискать!» Смотрят на все четыре стороны — от дороги в стороне огонек виднеется. Ванюшка и говорит: «Поезжай, Миколай, за огнем! Хоть кашицу сварим». Тот сел и поехал. Ездил, ездил — назад приехал, огня не нашел. Второй брат поехал, и этот не нашел. Ванюшка сел на конька и поехал сам за огнем. Подъезжает к огоньку, а тут не огонь горит, а жар-птицы перо лежит. Ванюшка слез с маненького коня, берет перо и кладет в пазуху. Конек-горбунок говорит Ване: «Не бери это перо: от этого пера велика будет беда!» Ванюшке перо больно показалось — он взял его и поехал; на то место приехал, да хвать —место знать! Братья опять уехали, крадучи. Он сел и полетел за ними в погонь. Догнал их в Китай-городе. Они видят — дело плохо, думают себе: «Это ведь город — он, дурак, нас свяжет и в кутузку посадит». Вывели коней на базар; человек за человека, Ванюшку бросали, а сами убежали. Ванюшка маненького коня отвел на квартиру, а этих вывел на базар продавать.

Подходят к нему покупатели, спрашивают его: «Что, молодец, кони твои?» — «Мои». — «Ты что за них просишь?» — «Семь коробов обнов». Они думают, думают: каких обнов? Если хороших, так ведь много надо. Никто не мог этих коней оценить и никто не мог купить. Пошли, доложили Китайскому царю, что вот у нас, на конной площади, вывел молодец пару коней, не может что за них взять, а мы не можем чего дать. Царь велел кучеру лошадушку заложить; кучер заложил, батюшка-царь оболокся, на конную площадь понесся. Ванюшка стоит с конями, отпрукивает и кнутиком похлопывает. Подъезжает к нему царь: «Что, молодец, кони твои?» — «Мои, сударь», — «Что за них просишь?» У него была худенька шлычонка; он в деньгах счету не знал, одно сказал (поставил, знашь, на землю, в ямочку, худеньку свою шлычонку): «А вот, царское величество, насыпьте мне ее полну золота». Царь приказал насыпать; Ванюшка денежки брал, коней царю отдавал.

Ванюшка в письмо денежки положил, на свою сторону к батюшке услал.

Вот царь приводит коней, отдает конюхам. Они и конюхов не принимают: кусают, и лягают, и близко к себе не подпускают.

Ну, это скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — прошло день и два. Кони воды не пивали и корму не едали. Докладывают царю конюхи

его: «Ваше царское величество, кони корму не едают и нас к себе не подпускают». Царь и говорит им: «Как же с этим делом быть? Надо старого хозяина искать и спросить, чем нам их кормить».

Пошли, старого хозяина в кабачке нашли: винцо попивает — и каблучок на бочок. Взяли его, за руки подхватили, во дворец к царю потащили. Вышел царь к нему на лицо, спрашивает: «А чем же нам, Ванюшка, будет ваших коней кормить? Они нас не знают и близко нас не подпускают». Ванюшка встал и в коню- шенку пошел. Взошел —они громким голосом заржали, потому что Ванюшку увидали. Ванюшка погладил их, и попоил, и корму дал. Они так корм едят, а ни на кого вовсе не глядят. Ванюшка около них ходит тихохочко, и гладит, и чистит их, и так они скорым временем переменились.

Вот царь призывает своих старинных конюхов: «Что же вы, братцы, не умеете так Ванюшкиных коней кормить, не умеете за ними ходить?» Вот царь Ванюшку призвал и все ему рассказал: «Будешь ты, Ванюшка, у меня за всеми конями ходить и за старыми конюхами глядеть».

Как приходит темная ночь, все конюхи зажигают сальные свечи, в конюшенки идут новы. Ванюшка огня не берет, свету не имеет; взойдет в конюшенку, вынет из карману жар-птицы перо — вся конюшенка в огне горит. Коней напоит, накормит, выгладит и почистит. Поутру на широкое подворье выводит, только его кони стеклянеются, а у старых конюхов все кони в грязи заваляются.

Вот выходит батюшка-царь коней посмотреть; Ванюшку благодарит, а старых конюхов по шее колотит: они не стараются. И так старые конюхи на Ваню больно серчали и думают себе: «Огня не берет, свету не имеет. Как он ночью за конями ходит?» В ночное время Ванюшка в конюшенку ночевать забрался, воткнул перышко в стенку —как все равно огонь горит; а старые конюха в дырочку глядят.

Поутру встали, пошли к царю, все ему рассказали: наш-де новый конюх нынче с нами погулял и кой-чего много нам рассказал, что у него есть жар-птицы перо. «Да я, — говорит, — не то что перо, —хвалится, —и самоё достать могу». Тот же час посланника царь посылает, на лицо Ванюшку приводят; царь и говорит: «Ну-ка, Ванюшка, где у тебя перо?» — «У меня, ваше царское величество, нету». — «Как?! Конюхи мне рассказали — ты в конюшенку ходишь, свечек не берешь и огня не имеешь; с чем же ты за конями ходишь?» Наднес саблю востру и хочет ему голову срубить: «Если не отдашь это перо, то голову долой, а отдашь — представлю старшим

конюхом!» Ванюшка вынул перо из пазухи и подал царю в белые руки. Царь перо взял, а Ване стакан водки наливал и говорит: «Как же ты, Ваня, вот этим конюхам, когда водку выпивал, им слова выпускал, что не то что это перо, ты и самою хотел достать?» Ванюшка клялся и божился: «Я в кабаке с ними не бывал, и водки с ними не пивал, и ничего не говорил. Не знаю, что и за птица есть». Ванюшка был один, а конюхов было много. Они все в голос закричали: «Говорил, ваше царское величество!» Царь на него со страхом закричал и говорит: «Заутро достань, а то с живого голову срублю!»

Ванюшка горько заплакал; идет в конюшенку, горько плачет, а конек-горбунок: «Что, —говорит, —не весел, Ваня, буйну голову повесил?» — «Эх, какая беда на меня, конёчек! Велит царь достать самоё жар-птицу!» Конь и говорит: «А вот то-то же, Ваня! Я тебе говорил: не бери это перо — от этого пера велика будет беда. Садись-ка на меня да бери мешок». Он сел на конька; конек залился, как птица, увез Ваню во дремучий лес далече. Во дремучем лесу была обширная поляна, и середи поляны стояло одно древо, и около этого древа трава была умятая и утолочена. Вот же этот конек стал Ване рассказывать: «Вот я, Ванюшка, тут встану, а ты вот тут сиди, всю темную ночь гляди — и несколько жар-птиц на эту поляну слетятся и посядут все на это древо, и вся поляна как загорится. Ты сиди, не устрашися. Вот они на древе посидят и на землю спустятся и будут играть; поиграют и лягут спать — ты тут сейчас цоп-царап да и в мешок! И как можно крепче держи, и как поймаешь — меня кричи».

Вот Ванюшка выслушал наказ. Пришла темная ночь, птичка по птичке стали летать, и налетело их множество. Вот они на древо все посели; как все слетелись и стали играть, наигрались — легли спать. Ванюшка тихохочко ползком подполз, одну цопнул да и в мешок. Она, этакая сйльна, его с мешком по поляне возит. Нанюшка закричал: «Конек-горбунок! Поймал, да не удержу!» Конек-горбунок перед ним является: «Садись на меня!» Ванюшка сел, а конек полетел. Прилетел в царство, конька в конюшенку поставил. А царь темны ноченьки не спит, на все на четыре стороны во подзорную трубу глядит.

Ванюшка наутро идет и в мешке жар-птицу несет. Он от него гостинец принимал, и водочкой угощал, и старым конюхам сказал: «А что вы у меня живете как свиньи, только хлеб едите?!» И велел Ванюшке быть над всеми набольшим. Вот от него было им жить жутко: он их лупил чем ни попало.

Царь несколько силы своей потерял — невесту доставал: за тридевять земель, в [три]десятом царстве есть Елена Прекрасна, и так он ее желал за

себя замуж взять — только день и ночь о ней и думает. Вот эти старые конюхи собрались, пошли к царю, докладывают, что ваш новый конюх был с нами в трактире и расхвалился: хочет вам достать Елену Прекрасну. Ну, царь сейчас призывает Ваню: «Как, Ванюшка, ты хочешь достать мне Елену Прекрасну? Если бы ты мне ее достал, я бы тебе половину царства дал. Первое место — подле меня живи, а второе место — насупротив меня, а третье место — где тебе угодно. И казну дам несметную; а если не достанешь, то с живого голову сыму!» Ванюшка и говорит: «Знать ничего не могу». Царь говорит, чтобы заутро было сделано.

Ванюшка не весел, буйну голову повесил. Идет в конюшенку, горько плачет. Конек-горбунок спрашивает его: «Что ты, Ванюшка, не весел, буйну голову повесил ниже могучих своих плеч?» Он так плачет, не может во слезах промолвить! «Велел царь мне Елену Прекрасну достать», — «То-то вот, Ваня, я тебе говорил: не бери это перо — от этого пера велика будет беда. Это еще не беда, а беда впереди! Ложись спи, а наутро к царю иди и вели ему тридевять пар сшить разных башмаков, и вели ему накупить три раза по девять бутылок разных хмельных пойлов».

Ванюшка пошел, царю доложил. У царя через час все поспело. Ванюшку приводят и Ванюшке башмачки отдают: «Башмачки бери, а бутылочки в кошелку клади!»

Сел Ванюшка на коня да и полетел. Его конек-горбунок все горы-долы перепрыгивал, темные леса между ног пускал (а ноги-то как у ежа). Если бы на порядочном коне — было ехать три года, а он на маненьком доехал в три часа и приехал к синему морю. Через это море мосту не бывает, а за морем Елена Прекрасна живет. И он, где она переезжает на легкой лодке в луговую сторону гулять, он к этим местам подъезжал, полаточку расставлял тонкого белого полотна. Полаточка так белеется, как белый снег. Разные башмачки как алые цветы цветут; разные напиточки расставил в полатке на полочки — духами все сине море покрыло (вон составы-то каки составил!), а конька за полаточку
поставил.

Вот вдруг ветерок потянул на ту сторону синего моря, как Елена Прекрасна вдоль синего моря вышла погулять и видит — полаточка на той стороне белеется, и так смотрит, как в ее лугах словно цветы расцвели. Как цветут цветы лазоревые, а из них духи малиновые. Закричала своим громким голосом приближенного слугу, сели в легку лодочку да и поехали; на ту сторону переехали, подходят ко полаточке. Она думала — цветы цветут, а

то раскрашенные башмачки висят; от бутылочек всякими духами опахивает. Она Ванюшку не узнала, за купца его почитала, башмачки у него покупала; при покупочке бутылочку с Ваней разной водочки выпивала и так головушкой зашатала, словечушко ему сказала: «А ты, незнамый купец, добрый молодец, угости еще меня, и поедем со мной ко мне на ту сторону, домой». Вот Ванюшка, будь недурен, бутылочку покрепче вынимал, вот стаканчик-то полнее наливал, сам по всей выпивал да и сказал: «Ох, да дай-ка с горя выпью!» А Елене Прекрасной другой наливал. Елена Прекрасна как второй стаканчик выпивала — и ручками замотала, и не знает, чего делать. А конек говорит, за полаткою стоит: «А вот у бабы-то волос-то долог, а ум-то короток! Мотри, Ванюшка, самому тебе, разине бы, в рот не взъехало!» Ванюшка скоро догадался, как за хмельную Елену сохватался да и цоп в мешок!

Ванюшка Елену посадил в мешок, сел на коня да и возвился, как ясен соколок, —и след его простыл! Полетел добрый молодец; приезжает к батюшке к своему царю. Царь обрадовался, к Елене на шею бросался, с Еленой целовался: «У нас не пиво варить, не вино курить — сейчас и за свадебку!» Вот Елена Прекрасна его к себе близко не подпускала, речь ему одну сказала: «Нет, царь, не должна я с тобой венчаться: я украдена. У меня нету подвенечного платья. Съезди, привези мне его, тогда обвенчаюсь». (А уж где же ему ехать? Он за ворота-то боится.) (Ьвечает батюшка-царь: «А куды же я поеду? Где его найду?» — «Кто меня достал, тот и платье мое привезет».

Сейчас царь призывает Ванюшку-дурачка. Ванюшка отдыхает в конюшенке с устатку, ничего не знает. Привели к царю. «Ванюшка, сослужи мне службу, а не службу — дружбу: съезди, нареченной моей невесте привези платье!» — «Батюшка-царь, я не знаю, где взять». Елена Прекрасна Ванюшке все рассказала: «Ступай, — говорит, — к тому синему морю, где ты меня поймал, там, середи моря, на дне стоит сундук; в сундуке платье лежит. Отопри и возьми, тогда я буду венчаться». Царь со страхом на него закричал: «Живо чтобы достать! С живого голову сниму!»

Ванюшка горько заплакал; в конюшенку идет, в три ряда слезы бегут. Конек горбунок спрашивает его: «Что, Ваня, горько плачешь?» — «Большая беда на меня!» — «Какая беда?» — «Елена Прекрасна приказала достать платье подвенечно». — «То-то, Ваня, — сказал конек, — я тебе говорил: не бери это перо!.. Ладно, ложись спи: дело будет исправно». Ваня лег, не спит — из глаз слезы льют. Конек-горбунок через скорое время подходит и говорит:

«Будет, Ванюшка, спать! Пора вставать, нам с тобой ехать горе горевать!»

Сел да полетел добрый молодец. Где его полаточка стояла, тут только пепелок повевает. Подъехали к синему морю; сказал конек-горбунок: «Ванюшка, защурься! Сиди крепше!» Нырнул конек в море, на самое дно, и дошли до сундука; открыли его, платье вынули, в узелок завязали. Сел добрый молодец да и полетел.

Скоро сказка сказывается, [да не скоро дело делается]. Прошло дела три года. Приехали к царю, поставил Ванюшка своего конька в конюшенку, сам пошел к царю; они сидят с Еленой Прекрасной, чаек кушают, перед чайком водочки попивают. Ванюшка пришел, цветно платьице принес, Елене Прекрасной подал, а царь Ванюшку по головушке погладил и не инает, чем его жаловать. Посылает Ваню в конюшенки новых коней заложить: хочется с Еленой покататься, дабы скорехонько обвенчаться. Елена же Прекрасна царю говорит: «Из вас из двоих будет один мой жених». Приказала царю развести посереди широкого двора огонь и навесить три котла: в первый налить смолы, а во второй — молока, а в третий котел — простой воды и вскипятить все три котла, да и сказала Елена Прекрасна: «Вот кто в этих котлах искупается — тот мой жених будет!» Ванюшка горько плакал: купаться не желает и невесту не берет, а она ему отвечает: «Ты ездил и страдал — я, быть может, твоя буду». А батюшка-царь — у него ноженьки дрожат — и думает: «Как же можно в вару искупаться?»

Она заставила их покониться, кому прежде лезть. Досталось прежде нырять Ванюшке-дурачку. Ванюшка-дурачок горько заплакал и говорит Елене Прекрасной: «Я вот пойду схожу к коньку-горбунку, распрощусь, и в ножки поклонюсь, и отпущу его на свою сторону домой».

Пришел Ванюшка к коньку-горбунку, горько плачет, во слезах своего конька не видит. «Что, Ваня, плачешь? — «Большая на меня беда! Сейчас кончится жизнь моя: заставляют меня в трех котлах купаться: в кипячей смоле, в молоке и в вару», — «Ну, я бы только был жив, а ты будешь живой! Иди, я — за тобой. Без опаски ныряй! Я в смолу левую ногу обмакну — холоду пущу, в молоко правую макну — льдушечку пущу, а в вар фыркну ноздрями — полон снегу будет».

Ванюшка подошел к котлам — Елена Прекрасна стоит с царем, на краю. Царь дожидается, когда Ванюшка нырнет. Ванюшка перекстился — бултых в смолу! Весь, как головяшка, оттоль вынырнул черный! Как в молочко нырнул — побелее стал, а водой обмылся — стал добрый молодец: ни

вздумать, ни взгадать, ни пером написать!

Вот Елена Прекрасна посылает царя: «Ныряй за ним!» Он думает себе: «Ванюшка нырял, и мне надо». Как в смолу нырнул, и теперь там сидит.

Они с Ванюшкой обвенчались, стали жить да быть, больше худа проживать, детей наживать.

И сказке весь конец тут.

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.